

ПОСЛЕДНЕЕ ОПРИЧНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Стихийные бедствия и татарские набеги приносили неописуемые бедствия. Но опричники были в глазах народа страшнее татар. Царь оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить «неправду» бояр-правителей. На деле опричный режим привел к неслыханным злоупотреблениям. Как говорят очевидцы, земские суды получили от царя распоряжение, которое дало новое направление всему правосудию. Распоряжение гласило: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Следуя таким указаниям, судьи перестали преследовать грабителей и воров из числа опричников. В годы опричнины процветали, как никогда, политические доносы. Опричник мог подать жалобу на земца, будто тот позорит его и всю опрични-

ну. Земца в этом случае ждала тюрьма. Его имущество доставалось доносчику. Бесчинства опричнины достигли апогея ко времени новгородского похода. В разоренной чумой и голодом стране, где по дорогам бродили нищие и бродяги, а в городах не успевали хоронить мертвых, опричники безнаказанно грабили и убивали людей. Они обшарили все государство, на что царь не давал им согласия, повествует опричник Штаден. Так начались многочисленные душегубства в земщине. Разумеется, царь Иван и его сподвижники не поощряли прямой разбой. Но они создали опричные привилегии и подчинили им право и суд. Они возвели кровавые погромы в ранг государственной политики. Следовательно, на них лежала главная вина за беззакония опричнины. В конечном итоге погромы более всего деморализовали саму опричнину.

Падение старого опричного руководства разрушило круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. Состав думы пополнился земцами, многие из которых испытали злоупотребления опричнины. Члены новой опричной думы, по-видимому, стали сознавать опасность деморализации охранного корпуса. Опричники, повествует Штаден, творили в земщине такие беззакония, что сам великий князь объявил наконец: «Довольно!» Казнь Басманова ознаменовала конец целой полосы в истории опричнины. Подвергнув опале тех, кто создал опричнину, царь велел собрать жалобы земских дворян и расследовать самые вопиющие преступления опричников.

Телега опричного правосудия сделала крутой поворот. Опричный боярин князь Василий Темкин был предан суду за то, что он, взяв крупную сумму у митрополичьего дьяка, отказался вернуть долг и, чтобы избавиться от кредитора, убил его сына. Суд постановил наказать Темкина и конфисковать одну из его вотчин. Царь, любивший показную строгость, утвердил приговор суда. Помимо всего прочего, Грозный примерно наказывал опричных, чтобы вернуть доверие земщины. Казни и судебные преследования расстроили механизм опричного управления. Опричная администрация, прежде энергичная и деятельная, впала в паралитическое состояние. Штаден, посетив-

ший главную резиденцию в Москве, был поражен царившим там настроением. «Когда я пришел на опричный двор, — повествует он, — все дела стояли без движения... бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе».

Попытки положить конец наиболее вопиющим злоупотреблениям на первых порах не затронули основ опричного режима, но проводились они с обычной для Грозного решительностью и беспощадностью и вызвали сильное недовольство в опричном корпусе. «Тогда, — свидетельствует Штаден, — великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины».

Давно стало привычным представление о том, что Малюта был злым гением царя Ивана Васильевича. Достоверно известно, что Скуратов учинил настоящее побоище в вотчинах конящего Федорова, а затем в Твери и Торжке во время новгородского похода. Скуратов участвовал также в суде над князем Владимиром Андреевичем и в московских казнях. Как повествуют Таубе и Крузе, на Богану были присланы судьи Василий Грязной и Малюта Скуратов. Значит ли это, что именно Малюта был инициатором процесса князя Владимира Андреевича?

Фактически миссия Скуратова в дни судилища на Богане заключалась в том, чтобы привести в исполнение смертный приговор, вынесенный князю монархом и его думой.

Таубе и Крузе были допущены в круг высших руководителей опричнины. Они имели основание назвать первым думного дворянина Василия Грязного.

На Пыточном дворе роль Малюты была, по-видимому, аналогична роли пономаря в Слободском ордене. Законченный палач, он не уступал мастерам пыточных дел и более всего проявил себя в массовых расправах с государевыми «изменниками».

При учреждении опричнины ее приказы копировали приказную систему земщины. Пыточная изба, или Пыточный двор, была одним из таких приказов. Опричнина была задумана как карательное учреждение. Но в первый период самодержец вел

открытую войну со своими политическими противниками. Нет никаких данных о том, что опальные княжата, сосланные в Казань, прошли через Пыточный двор.

В годы массового террора Пыточный двор разросся. Его можно было бы назвать центральным приказным ведомством опричнины, если бы не одно обстоятельство. Во главе приказов стояли бояре, во главе Пыточного двора — сам царь. Опричная дума стала собираться на Пыточном дворе не менее часто, чем в парадных залах Слободского дворца. Самодержец определял круг думных лиц, выступавших в роли судей. Позже по воле монарха те же лица появлялись на Пыточном дворе, но уже в роли жертв. Пономарь был лишь подручным слободского игумена.

Царь жил в постоянном страхе перед воображаемыми заговорами. Его спасителями выступали поочередно то Басмановы с Вяземским, то Грязной со Скуратовым.

Знати имя Малюты Скуратова-Бельского было столь же ненавистно, как и имя основателя опричнины Басманова-Плещеева. Курбский желчно бранил царя за приближение «прескверных паразитов и маньяков», «прегнунодейных и богомерзких Бельских с товарищи», «опришницов кровоядных».

Даже среди незнатных опричников Скуратов выделялся своим худородством. В списках думных дворян опричнины его имя стояло последним. Лишь после свадьбы царя с Марфой Собакиной Малюта получил назначение на пост дворового воеводы. Такие посты могли занимать исключительно представители родовитой боярской знати.

Думный дворянин Василий Грязной происходил из худородной семьи и начал службу у одного старицкого боярина «мало что не в охотниках с собаками». После роспуска свиты Владимира Старицкого Грязной был зачислен в опричнину и попал из псарей в царские советники.

Грязной обладал живым воображением и склонностью к грубым шуткам, что импонировало государю. Его положение пошатнулось во время чистки опричной гвардии. Василий не получил приглашения на свадьбу царя с Марфой Собакиной. Род-

ня фаворита Григорий Меньшой Грязной занимал пост начальника и судьи опричного Земского двора в Москве. Земский двор (полицейское управление столицы) играл важную роль в системе сыска. В 1571 г. судья был убит, а его сын заживо сожжен.

После смерти царицы Марфы и отмены опричнины положение Скуратова и Грязного пошатнулось. В походе на Пайду Малюта не получил места дворового воеводы. В январе 1573 г. несколько думных дворян, в их числе Малюта и Грязной, были посланы в проломы крепости на приступ. Обычно воеводы щадили дворян и составляли штурмовые колонны из боярских холопов и стрельцов. Скорее всего дворяне сами напросились на опасную службу, чтобы доказать свою преданность. Грозный согласился отпустить их, что было свидетельством близившейся царской немилости. Малюта был убит на приступе. Сразу вслед за тем Грязной был отослан на воеводство в Нарву, а оттуда в небольшую крепость Донков. Будучи на крымской границе, он попал в плен к татарам. Письма из Крыма дают весьма точное представление о характере и достоинствах главного сподвижника Малюты. Неутомимый собутыльник царя, завоевавший его благосклонность застольными шутками, Васютка Грязной сочетал в себе качества шута и палача. Это был человек невероятно хвастливый, тщеславный и легкомысленный. Чтобы оправдать свое пленение, Грязной с серьезным видом уверял царя, будто подчиненные ему земские лучники бежали при виде татар, а он в одиночку сцепился с двумя сотнями врагов. Когда его повалили наземь, уверял Василий, он «над собой укусил шти (шесть) человек до смерти, а двадцать да дву ранил», в крымском плену он (неведомо как) государевых собак-изменников «всех перекусал же, все вдруг перепропали, одна собака остался — Кудеяр и тот», по его словам, «грехом, маленко свернулся». Письмо к царю из плена Васютка закончил следующими словами: «Ты, государь, аки Бог, и мала и велика чинишь». В приведенных словах историки усматривали чуть ли не манифест худородного опричного дворянства. Но может быть, то была лишь раболепная выходка впавшего в немилость опричного фаворита?

Под стать Бельскому и Грязному был думный дворянин Роман Олферов-Нащекин, выдвинувшийся в самом конце опричнины. Несмотря на полную безграмотность, он стал по милости царя хранителем печати (печатником) и возглавил весь приказной аппарат опричнины. Однажды Олферов затеял местнический спор с земским казначеем князем Мосальским и, нимало не смущаясь, написал в своей челобитной царю: «Я, холоп твой, не ведаю, почему Мосальские князи и хто они». Государственный казначей не только стерпел бесчестье, но и смиренно заявил, что «своего родства Масальских князей не помнят», «Роман — человек великой, а я человек молодой...». В местническом деле безграмотный печатник предстает перед нами как «великий человек» опричнины.

Характеристика опричного правительства оказалась бы неполной без упоминания о царе Иване. Многочисленные литературные сочинения Ивана служат, пожалуй, самым надежным материалом для суждения о его личности. В своих писаниях Грозный предстает человеком, от природы одаренным острым умом. Его достоинства — образованность, а главное, литературный талант — были необычны для людей его положения. Но причудливое сплетение противоположных свойств в натуре царя Ивана поражало уже его современников. Они не скрывали удивления, описывая безрассудную мнительность и «мудроумие» Ивана IV, его невероятную жестокость и заботу о воинстве, его гордыню и смирение.

Какое влияние оказали личные качества Грозного на события его времени? Ответить на этот вопрос не так-то легко. В пору реформ личное влияние Ивана IV умерялось авторитетом его советников. В пору опричнины Грозный окончательно избавился от старых советников и боярской опеки. Казалось бы, царь достиг наконец неограниченной власти, которой домогался. Но такое впечатление, по-видимому, сильно преувеличено. Опричнина явилась любимым детищем Грозного, но она не была плодом только его ума и энергии. В важнейшие периоды опричнины рядом с царем Иваном неизменно выступает целая плеяда деятелей практического склада: Басманов, Вяземский, Скуратов.

Царь Иван не раз поучал сына-наследника, как ему «людей держати... и во всем их умети к себе присвоивати». Но сам он не умел «присвоить», надолго подчинить своим целям даже «ближних людей». В характере Ивана была одна удивительная черта: при всей своей подозрительности и жестокости он, как верно подметил В.О. Ключевский, обладал особой привязчивостью. Людям, умевшим доказать ему свою преданность, Грозный доверял безгранично, до излишества. Будучи человеком душевно неуравновешенным, легко поддающимся внушениям, царь постоянно подчинялся влиянию фаворитов. Без их совета он не мог обойтись ни при решении важных политических дел, ни при выборе очередной невесты. Сильвестр был первым учителем жизни Ивана. Адашев увлек его замыслом обширных реформ. Алексей Басманов, один из лучших воевод XVI в., внушил ему мысль об опричнине — правлении, основанном на неограниченном насилии. Скуратов завоевал его благосклонность беспощадной расправой с «изменниками».

Сколь бы долго ни подчинялся Грозный влиянию временщиков, он в конце концов безжалостно уничтожал их. Рушились авторитеты — рушились привязанности. Адашев сгинул в опале, его программа реформ была предана забвению. Опричную затею постигла неудача, и по царскому повелению Басманов-сын зарезал Басманова-отца. Один Скуратов сумел избежать участи своих предшественников. Но никто не может сказать, как сложилась бы судьба царского любимца, если бы в зените славы шведская пуля не оборвала его жизнь.

В дни отречения от престола царь пережил сильное нервное потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. В последующие годы царь, до того обладавший несокрушимым здоровьем, начал настойчиво искать хороших врачей в заморских странах. После новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что Бог покарал Ивана неизлечимой болезнью. Очевидцы передают, что царь был подвержен припадкам, во время которых он «приходил как бы в безумие», на губах выступала пена. Внезапные вспышки ярости и невероятная подозрительность царя, возможно, связаны были с какой-то нервной болезнью. Но все

же влияние недуга на характер Грозного и события его времени не следует преувеличивать. Жестокость Грозного нельзя объяснить только патологическими причинами. Вся мрачная, затхлая атмосфера Средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежения к достоинству и жизни человека, пропитана всевозможными грубыми суевериями. Царь Иван Васильевич не был исключением в длинной веренице средневековых правителей-тиранов.

Кровавое правление царя Ивана оставило глубокий след в памяти современников. В годы террора погибло около 4 тысяч человек. Такими были масштабы опричного террора в XVI в., когда население страны не превышало 5—8 миллионов.

Современников поражало соединение в личности царя святости и благочестия с кровожадностью и мучительством. Но именно таким был идеал царя в глазах Ивана IV. Государю подобает быть то «кротчайшим», то «ярим»; к «благим» проявлять милость, ко злу — «ярость и мучение, аще ли сего не имея, несть царь». Пролитие крови грешников оправдано самой сутью царской власти (А.Л. Юрганов).

Деяния монарха направляло не только благочестие, но и страх. По мере нарастания террора все большее значение в политической жизни государства приобретали всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. К концу жизни этот прирожденный лицедей не мог более скрывать свои переживания от постороннего взора. Современники замечали странное несоответствие между царственной осанкой москвитя и выражением его глаз, которые постоянно бегали и наблюдали за всем с большим вниманием. Приведенные слова принадлежат австрийскому послу. При безмерном самомнении, которое поддерживалось постоянной лестью и славословием придворных, отметил папский посол, в царе заметна была подозрительность. Сквозит она и в литературных произведениях Грозного. На склоне лет царь Иван IV сочинил канон грозному ангелу, полный страха смерти, бреда преследования и чувства одиночества (Д.С. Лихачев).

Страх загнал царя Ивана в опричную Слободу. На протяжении многих лет он жил там затворником под надежной ох-

раной и никуда не выезжал иначе как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно культивировали его подозрения.

В пору кровавых оргий опричнины царь действовал как человек, ослепленный страхом. Однажды Фридрих Энгельс заметил, что эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас: «Напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх». Кровавый террор наложил глубокую печать на все стороны политической жизни общества. Никогда еще не расцветали столь пышным цветом низкопоклонство и славословие. «Ласкатели» и сотрапезники, по словам Курбского, без всякой меры превозносили мудрость и непогрешимость правителя. Под влиянием страха и неумеренных славословий Грозный, несмотря на весь природный ум, все больше утрачивал перспективу, становился нетерпим к любому противоречию и упрямо громоздил ошибку на ошибку. В конце концов он окружил себя людьми самыми сомнительными, бессовестными карьеристами и палачами. Опричнина создала видимость всевластия московского самодержца. Но в царстве опричного террора правитель сам стал игрушкой в руках авантюристов. .

Современников поражали причуды и сумасбродства царя. Иногда его шутки носили вполне невинный характер. Царь весело отпраздновал свадьбу племянницы с датским принцем. Гости плясали под напев псалма святого Афанасия, 45-летний государь отплясывал наравне с молодыми иноками и по головам их жезлом отбивал такт. На пирах Иван не прочь был потешиться и пошутить не только над иноками, но и над великими боярами. Однажды, повествует летописец, царь призвал бояр и «жаловал (их) без числа своею царскою чашою и (велел) чашником безпрестанно носить и поить; и как почали прохладжати ся и всяким глумлением глумитися: овии стихи по-

яше, а ови песни воспевати... и всякие срамные слова глаголати. И... царь... повеле их речи слушати и писати тайно и наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такие люди разумныя и смиренныя от его царьского синклита (совета) такие слова простые глаголюще, и показаше те речи им, и они сами удивишася сему чудеси». Писцы «застенографировали» болтовню пьяных бояр, на том дело и кончилось. Но не всегда царские шутки имели такой благополучный исход. Подданные пуще огня боялись царских шуток.

Стрелецкий командир Никита Голохвастов, известный своей отчаянной храбростью, вынужден был надеть монашескую рясу, чтобы избежать гнева Грозного. Но монастырь не спас его. Царь велел привести его и сказал, что поможет бравому иноку поскорее взлететь на небо. Голохвастова посадили на бочку с поро́хом и взорвали.

В юности Иван увлекся религией, в зрелые годы стал законченным фанатиком. Многие жестокие и непостижимые его действия имели в качестве побудительного мотива религиозный фанатизм. Ходили слухи, будто царь собственноручно душил своих незаконнорожденных детей, негодных Богу.

От сумасбродств и жестокостей Иван легко переходил к покаянию. Монахи, немало претерпевшие от Грозного при его жизни, объявили его после смерти благочестивейшим государем. Между тем в конце жизни в поведении Грозного становятся заметны резко выраженные черты юродства и скоморошества (Д.С. Лихачев). С удивительной легкостью царь Иван переходил в своих писаниях от смирения к гордыне и гневу, унижавшему и уничтожавшему собеседника. Царь не прочь был затеять словесный поединок с жертвой в тот момент, когда палач уже приготовил топор.

Среди пороков, которые царь признавал за собой, фигурировали корыстолюбие, ненасытное «грабление» чужих имений. Иван, унаследовавший от предков богатую казну, не разбирался в средствах, добываясь ее пополнения. Судя по размерам обоза, доставившего в Новгород царскую сокровищницу, в казне хранилось несколько тысяч пудов золота и серебра в

слитках и звонкой монете. Грозный обладал коллекцией драгоценных камней, одной из лучших в Европе.

Иван питал пристрастие к представлениям скоморохов. После сожжения Москвы там трудно было найти комедиантов и музыкантов, и царь, решив весело отпраздновать свадьбу с Марфой Собакиной, послал слуг за музыкантами в Новгород, недавно им разгромленный. Местные власти отнеслись серьезно к царскому повелению. По всем городам и волостям была проведена перепись скоморохов и «веселых людей» с медведями. Всех, кого удалось отыскать, усадили в телеги и увезли в Александровскую слободу.

Грозный любил медвежьи потехи. На его глазах «веселые люди» заставляли ученых мишек плясать, кувыркаться и бороться. То было древнейшее цирковое представление на Руси. Иногда опричники напускали медведей на опальных или на толпу зевак. Царь веселился, наблюдая за толпой, разбегавшейся при виде свирепых животных. Другой его забавой была травля собаками людей, обшитых в «медведно» (медвежьи шкуры). Толковали, будто новгородский архиепископ Леонид стал жертвой такой потехи. Но свидетельство об этом легендарно.

Дворцовые охотники устраивали настоящие бои с медведями, пойманными в лесу. Они входили в загородку, вооруженные рогатиной. Царь любил наблюдать за такими боями и платил бойцу сумму, составлявшую годовое жалованье сына боярского.

Составить сколько-нибудь точный портрет Ивана IV трудно из-за недостатка достоверных данных. Среди немногих царских портретов наибольшими достоинствами отличается самый ранний, написанный неизвестным московским художником и вывезенный в Копенгаген. Черты лица изображенного на нем человека достаточно запоминающиеся: высокий лоб с большими залысинами, удлиненный, немного крючковатый нос, пышная борода. Ценность портрета снижается, однако, тем, что он написан в условной, почти иконописной манере.

К числу ранних изображений Грозного относится фреска на стенах Новоспасского монастыря в Москве. Но фреска выполнена в еще более условной манере, чем копенгагенский

портрет. В благообразном царском лике индивидуальность вовсе утрачена. Недостоверны обличительные портреты Грозного в немецких летучих «листах», показывающих хитрого, жестокого азиата в косматой шапке.

В поздних изображениях Ивана из «Титулярника» XVII в. все схематично — и орлиный нос, и грозно сдвинутые брови. Живописное изображение может быть дополнено литературными портретами Грозного. Самый известный из них принадлежит перу писателя начала XVII в. князя Семена Шаховского. «Царь Иван, — писал Шаховской, — образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты». Некоторые детали этого портрета внушают сомнения. Например, Шаховской пишет, что у царя были серые глаза, это не согласуется с известным отзывом Ивана о людях с серыми глазами. «Где обретишь мужа правдива, иже серы (или «зекры» — голубые) очи имуща?» — спрашивал Грозный у Курбского. В приведенном описании имеются и другие несообразности, которые объясняются, вероятно, тем, что автор обрисовал внешность царя с чужих слов. Что же касается замечания по поводу «нелепого образа», оно носит слишком полемичный характер. Даже противники, не пожалевшие красок для очернения «тирана», ни словом не обмолвились насчет его отталкивающей внешности. Менее пристрастные авторы, вроде итальянских и английских купцов, определенно писали, что Иван обладал привлекательной внешностью и даже был хорош собой. Как видно, Грозный отличался внешним благообразием, во всяком случае, его облик не отражал внутренней жестокости. В этом пункте первый скульптурный портрет Грозного, выполненный в наше время М.М. Герасимовым, не вполне согласуется с показаниями источников. Всего подробнее внешность царя описал австрийский посол. По его словам, в 45 лет Иван был полон сил и довольно толст. Царя отличал высокий рост, у него была длинная густая борода рыжего цвета с черноватым оттенком, бритая голова и большие бегающие глаза. Более всего австрийца покорила царственная осанка Грозного.